

казания В. Н. Кораблева, вообще сыгравшего пагубную роль в деле: он оговорил многих однодельцев и дал подробную версию информации о своих разговорах с В. Н. Перетцем и другими учеными. Перетц деликатно, но напрочь отверг живые показания вчерашнего ученого секретаря Института.

К чести обеих учениц академика, С. А. Щегловой и А. Б. Никольской, следует признать: благородство не изменило им и в тяжелейших условиях предварительного заключения. Щеглова и на собственных допросах и на очных ставках твердо стояла на своем: Владимир Николаевич никакого отношения ни к какой контрреволюционной организации не имеет. В отношении Никольской был сделан особый нажим, но слабая женщина, измученная туберкулезом, стояла до последнего, даже «доведенная органами следствия до невменяемого состояния (...) в результате применения ... всяческих незаконных методов ведения следствия, вплоть до избияния», отчего у несчастной «получилось травматическое воспаление мозга», стоившее ей восьми месяцев тюремной больницы. Следователь же воспользовался невменяемым состоянием подследственной, чтобы получить признательные показания, в которых она, «по-видимому, оговорила тогда себя и вынужденно подписала протокол допроса», не зная, «какие были записаны показания... По окончании следствия, — заявила Анна Борисовна на передопросе 31 июля 1956 г. в качестве свидетеля, — меня с материалами дела не ознакомили» [9. Т. 5, л. 66 и 67]. Так собирался компромат.

Сам по себе сбор «компромата» на ученого еще не предопределял его ареста. В московском и ленинградском следственных делах в качестве руководителей или членов «организации» названы академики В. И. Вернадский, Н. С. Курнаков, Н. Д. Зелинский, Б. М. Ляпунов, В. М. Истрин, чл.-кор. АН СССР Л. В. Щерба, профессора А. И. Горбов, Д. Н. Ушаков, Н. К. Гудзий и др., а также брат В. Н. Перетца, «пом. бухгалтера физического института ЛГУ» Л. Н. Перетц. Никто из них, однако, арестован не был. В подготовленных в конце марта 1934 г. обвинительных заключениях по московскому и ленинградскому делам перечисляется «политический центр» «Российской национальной партии» из девяти человек, среди которых к тому времени под стражей находились лишь Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский и В. Н. Кораблев. Остальные шестеро — В. И. Вернадский, Н. С. Курнаков, М. С. Грушевский, Н. С. Державин, М. Н. Сперанский и В. Н. Перетц — имели звание академика и вопрос о них, по-видимому, решался особо на высшем уровне.

29 марта и 2 апреля 1934 г. по московскому и ленинградскому делам было принято решение, в первой половине апреля осужденные этапировались по местам заключения или ссылки, а вопрос об академиках продолжал решаться. Наконец, выбор был сделан и власти решили ограничиться лишь двумя из шестерых: М. Н. Сперанским и В. Н. Перетцем. Обоих арестовали в ночь с 11 на 12 апреля 1934 г. Папка с делом В. Н. Перетца [8] открывается ордером № 1794 на арест, выданным 11 апреля 1934 г. «сотруднику Шубину» [8, л. 1]. Далее следует протокол обыска и ареста, подписанный Владимиром Николаевичем, Варварой Павловной и представителем ЖАКТа. Сразу после ареста В. Н. Перетца отправили в Москву, где и шли его допросы.

Все подшитые в деле протоколы допросов и очных ставок с В. Н. Кораблевым и Б. Г. Крыжановским⁵ охватывают короткий период с 23 по 29 апреля 1934 г. В. Н. Перетц отверг все обвинения. 25 апреля он заявил: «Ни с кем из перечисленных мною лиц я не имел бесед политического характера ... Никто из них не известен мне как антисоветски настроенный... По моим впечатлениям, Кораблев — советски настроенный человек» [8, л. 198—199]. На вопрос: «Принимали ли Вы участие в антисоветской деятельности?» он ответил: «Нет». 26 апреля на очной ставке с В. Н. Кораблевым он сказал: «О неправильной

⁵ Б. Г. Крыжановский уже был отправлен в лагерь, но 11 апреля начальник Секретно-политического отдела ОГПУ [Молчанов] распорядился сразу по прибытии вернуть его в Москву явно для очной ставки с В. Н. Перетцем. Из этого факта видно, что решение об аресте академика приняли только тогда.